

Прекрасно однажды в России родиться!

В. Коротяев

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 1, март 2014 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

Вологодская писательская организация обращается к писателям и к нашим читателям,— ко всем, кто любит русскую литературу. Приглашаем принять участие в создании нового печатного органа — первой литературной газеты Вологодской области,— «Вологодский литератор».

Вологодская писательская организация всегда отличалась высокой требовательностью к художественному уровню произведений. «Вологодский литератор» будет сотрудничать со всеми талантливыми авторами, всемерно способствовать становлению молодых дарований.

Мы предполагаем и надеемся, что в этом благом деле примут участие и литераторы России. Периодичность выхода нашей газеты будет зависеть от вашей активности и других обстоятельств.

С надеждой на сотрудничество, товарищескую поддержку и взаимопонимание — редколлегия газеты

«ВОЛОГОДСКИЙ ЛИТЕРАТОР»

Вячеслав Позгалев о «Вологодском литераторе»

Батюшков, Рубцов, Белов, Яшин, Орлов, Фокина, Астафьев, Викулов, Полуянов, Оботуров, Романов, Коротяев, Сопин, Шириков, Дружининский, Швецов, Грязев, Жаравин... Благодаря нашим землякам, Вологда всегда по праву считалась и считается одной из ведущих литературных столиц России.

Сегодня многое изменилось. Одни ушли из жизни, другие уехали... Да и власть, в силу разных причин и обстоятельств, от литераторов отвернулась.

Изменить ситуацию можем только мы сами. Все вместе и общими усилиями. И важные шаги в этом направлении уже сделаны: возобновлен выпуск журнала «Лад», а в руках у вас — первый номер газеты, которая должна стать своего рода мостиком между писателями и читателями, живущими в разных районах нашей области.

Вологодчина — регион, который раскинулся на сотни километров, но даже при наличии интернета и мобильной связи, ничто не заменит нам печатного слова. Новая газета должна объединить творческие силы нашего края, стать новым этапом творческой жизни Вологодской писательской организации. Потому что Писатель — это слово, это — культура, это — воспитание.

Вячеслав ПОЗГАЛЕВ,
депутат Государственной Думы

Заветы В. И. Белова

Древнеславянский язык, «кровный» родитель русского, мы получили от Бога, и нельзя с ним обращаться кое-как. Родное слово в полноте своей выражает всё духовное и эмоциональное состояние человека. С этих позиций и необходимо вести борьбу против повсеместного распространения иностранной лексики. На мой взгляд, прежде всего нужно спасти кириллицу. Наш разгром начинается с того, что кириллицу вытесняет латинский шрифт. Порабощение народа начинается с отвержения родного языка, с раздвоенности культуры. В существующем языке за последние годы произошли огромные изменения не только в лексике, но и в синтаксисе, пунктуации. Идёт явное обеднение языка по количеству слов, замена их на чужие. Русский язык в значительной мере утратил свойственные ему

ритмичность и тональность. Тихой сапой проник в наш быт так называемый сленг, людей приучают думать и чувствовать не по-христиански и не по-русски. Это скрытый цинизм, тайная похабщина. Я убеждён: сохраним родной язык — сохраним всё.

Главное свойство талантливого человека — это искренность. Она обязательно присутствует во всех истинно талантливых произведениях искусства. Почти каждый из нас чётко ощущает разницу между фальшивым, притворным, неискренним, нарочно выдуманным и тем, что сделано искренне... В понятии человеческого таланта есть какая-то почти религиозная тайна.

«Такие вот пироги...»
Интервью. «Красный Север».
31 октября 2001

Николай РУБЦОВ

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

ЗЕЛЁНЫЕ ЦВЕТЫ

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зелёные цветы...

ВЗГЛЯД. XXI ВЕК

ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ПРОШЕДШЕМ десятилетии Вологодская писательская организация трудилась, как и прежде, по мере своих сил.

Были не однажды проведены Всероссийские конкурсы прозы: «Светлые души» имени Василия Шукшина, «Всё впереди» имени Василия Белова, писатели-вологоджане встречались с читателями, участвовали в фестивалях, чтениях, литературных вечерах, работали с творческой молодежью, получали награды, становились лауреатами различных премий. Выходили журнал «Лад», альманахи, книги, появлялись публикации в центральных изданиях.

Что запомнилось?..

В прозе — огромное эпическое полотно Василия Ивановича Белова о коллективизации, полностью завершённое в 2002 году, исторический роман Ивана Полуянова «Самозванцы», проза Станислава Мишнева о современной деревне, книга Александра Цыганова «Вологодский конвой». Кстати, Цыганов в рассказе «Таланиха» задолго до Кондопоги, Манежной площади и Сагры развеял миф о неспособности к самоорганизации и самозащите русского народа.

В поэзии — певучие, многоголосные и одновременно остропублицистические стихотворения Ольги Фокиной, любовная лирика Нины Груздевой и Татьяны Бычковой. Прошу прощения у тех, кого не упомянул — мы все занимаемся творчеством не из-за денег, а по зову сердца.

Мы не ссоримся из-за собственности — ее у нас просто нет.

Да, мы иногда спорим о дальнейшем пути организации, у нас есть свои беды, но что они по сравнению с нашей общей бедой?

Главное, что мы — единомышленники.

Критик Вячеслав Белков написал незадолго до смерти: «Мы считаем, что мы делаем важное дело. Мы за сильную, великую Россию! За то, чтобы в нашей стране люди продолжали творить и читать. За то, чтобы Правительство и Президент служили народу, а не кучке ожиревших наглицев. Чтобы убрать из политики и бизнеса всех предателей России...»

Прозаик Станислав Мишнев в своих книгах воспроизводит голос народа: «Реформы все идут и идут. И когда они кончатся, и начнет-

ся нормальная жизнь?» «Наш народ попал в какой-то унизительный вакуум, мне кажется, мы не верим ни нашим правителям, ни в Русь, мы возвращаемся в чашу, в разноголосое чтение...» «Чувствуется, что зреет нарыв...»

Поэтесса Инга Чурбанова делится своими предчувствиями:

*Я живу, как больная страна
Накануне второго рождения.*

Лирик Александр Пошехонов задает вопрос: «Где бы отыскать силу надежную, чтобы по-выбить гадов ползучих с тела твоего раз и навсегда?! Где же то время и те герои, способные сотворить такие подвиги?.. И сам же на него отвечает:

*Бунтарский дух покоя не дает,
Бунтарский дух тревожит сердца раны,
Он песни революции поет
И жаждет правды в мире океанном.*

Когда же наступит предел? Покойный Иван Полуянов разъяснял: «Только когда подойдем к самому краю».

«Ныне в России вопиет русский вопрос, — это вопрос жизни или смерти России, — пишет В. Аксютин. — Основная национальная проблема в России — это русский вопрос. Без русского национального возрождения в России не возродится российское государство, значит — не выживут ни российские элиты, ни народы России».

Своеобразный и глубокомысленный вывод делает доктор исторических наук, профессор Александр Вдовин: «Русский народ в массе своей не рассматривал страну как свое национальное государство, поэтому не стал защищать ее от распада ни в 1917, ни в 1991 году». Эти мысли перекликаются с программным заявлением Валентина Распутина: «Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это правительство наших, а не чужих национальных интересов...».

Задачи, которые стоят перед нами, ясны: 1. Вернуть власть народу, точнее, его законным представителям. 2. Вернуть украденную у народа государственную собственность, которой он опосредованно владел несколько десятилетий (хотя олигархи и чиновничья мафия просто так ни деньги, ни власть не от-

даст). 3. Вернуть единство советской и русской истории...

Понятно, что это цели оппозиции. Писатели, за редким исключением, — слабые политики и никудышные предприниматели. Наши задачи иные: во-первых, разоблачать ложь; во-вторых, возвращать идеологию; в третьих, сочинять произведения, достойные нового времени, воссоздавать художественные типы, уже действующие в народе, писать стихи, которые будут его вдохновлять.

О второй задаче надо сказать отдельно.

Власть не желает и не может сформулировать национальную идеологию. Философия, социология и политология просто не могут ее решить. Церковь, за исключением отдельных иерархов, священников и мирян, не смеет пока открыто говорить, а главное, требовать что-либо от наших якобы православных лидеров. В этих условиях в войне мировоззрений (Василий Белов называл ее третьей Отечественной) передовые позиции пришлось занимать русским писателям, так как русскоязычные литераторы в своем большинстве поддерживают либерализм, ведущий нацию в тупик.

Мы все еще боимся признаться открыто в том, что, отказавшись от идеи справедливости, совершили ошибку. В народе об этом говорят уже лет двадцать, интеллигенция же никак не может разглядеть очевидное: капитализм так же, как и 100 лет назад, практически во всех сферах, за исключением торговли, показал свою неэффективность и неспособность к творчеству. В соревновании с советским прошлым он безнадежно и окончательно проиграл.

Новую идеологию можно назвать православным социализмом (кстати, Федор Достоевский в последней главе «Дневника писателя» сделал вывод: нам больше подходит христианский социализм), можно окрестить государственным капитализмом, можно хоть груздем, лишь бы в кузов влезал!..

Конец XX — начало XXI века называют временем смуты, но, может быть, в будущем оно получит иное название. Это время было невероятно противоречивым. Гибель страны, нищета, разруха — и тысячи восстановленных храмов... Содержание этой эпохи смог раскрыть только поэт:

*Как ликует за граница
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться*

перед боем.
(Николай Зиновьев)

Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим (Волочков) в своей гражданской проповеди дает нелицеприятную оценку демократии в России:

«...Современная демократия является ничем иным, как политическим механизмом уничтожения российского народа».

Власть надо уважать, потому как безвластие в тысячу раз хуже. Но мириться с тем, что она находится в руках растлителей и губителей собственного народа, нельзя. Государство поощряет разврат, покрывает его, берет налоги и даже оплачивает! Более того, заставляет всей угрожающей мощью жить по своим, а не Божьим законам.

Говорят, что у власти нет воли. Неправда! У нее нет главного: любви к своей родине, а есть страсть, испепеляющая все вокруг — страсть к золотому телцу, к доллару, к этому зеленому змию дохлой нашей экономики.

«Что касается гражданской пассивности православных и приведенных слов из Писания, скажу следующее, — продолжает епископ. — Здесь мы имеем дело с не совсем точным переводом, что «всякая власть от Бога». Апостол Павел говорит, что «сущие же власти от Бога учинены суть». Что это значит? Это значит, что не признается властью власть, если она не от Бога, поскольку подлинные власти Богом учреждены!.. Мы, русские, свободны от духовного послушания этой власти».

Если мы свободны — то значит, вольны сами определять ее будущее:

*...Что ж, веселитесь, скоморохи,
но знайте: нам не по пути.
Пускай любви остались крохи,
но ведь остались? Там, в груди...
В груди, уставшей от позора
под чью-то дудку танцевать.
Но я-то знаю: скоро, скоро
моя страна, моя опора
начнёт себя Отчизной звать!*
(Г. Горбовский)

Николай УСТЮЖАНИН

Здравствуйте, «Светлые души»!..

ТАКОЕ обращение в адрес организаторов всероссийского конкурса короткого рассказа имени В. М. Шукшина «Светлые души» получает в последнее время Вологодская писательская организация. Впервые конкурс «Светлые души» был объявлен вологжанам в 1998 году совместно с Союзом писателей России.

Ведь именно на Вологодчине вспыхнула всемирно известная «Калина красная», здесь жили близкие друзья Шукшина, и на нашей родине мечтал пожить сам Василий Макарович Шукшин. В память о великом писателе и человеке и был объявлен конкурс «Светлые души».

Само название конкурса определило тематику конкурсных произведений. Поддерживаются те рассказы, которые способны увлечь и радовать читателя живой образностью и хорошим языком, сердечной теплотой и правдивостью мысли и чувства. Именно этими достоинствами всегда отличалась шукшинская проза.

В конкурсе приветствуются разные художественные направления, кроме проповедующих безнравственность и презрение к Отечеству. Важно и то, что в конкурсе участвуют вместе с профессионалами и начинающие писатели.

Прошедшие годы подтвердили, что конкурс действительно оказался всероссийским: на адрес писательской организации приходит множество рукописей прозы, география которых чрезвычайно широка — от Смоленска до Владивостока. И даже больше: рукописи поступают из Беларуси, Украины, Казахстана. Заинтересованное участие в конкурсе «Светлые души» приняли писатели из Прибалтики, Германии, Австрии, Голландии, Израиля, США.

За это время было издано несколько сборников прозы лучших авторов конкурса «Светлые души».

Живое участие в организации конкурса принял А. Д. Заболоцкий, друг и единомышленник В. М. Шукшина, оператор-

постановщик его знаменитых фильмов «Печки-лавочки» и «Калина красная». Конкурсную комиссию всё это время возглавлял лауреат Государственных премий СССР и РФ писатель Василий Иванович Белов. Первое издание сборника «Светлые души» вышло в свет с предисловием самого Василия Ивановича. Теперь во главе конкурсной комиссии — главный редактор журнала «Наш современник», лауреат Государственной премии РСФСР С. Ю. Куняев.

И, наверное, самый главный итог всероссийского конкурса «Светлые души» состоит в том, что он наглядно показал читающей России: традиционная русская литература по-прежнему является нравственной опорой в любые времена. Как написал один из многочисленных участников конкурса: «Шукшин — это сама Россия».

А творческие силы России — неисчерпаемы. В настоящее время подведены итоги очередного конкурса «Светлые души». Его лауреатами стали: Тимур Зулфикаров

(г. Москва), Станислав Мишнев (Вологодская область), Валерий Казаков (г. Киров), Николай Зайцев (Казахстан).

С вступительным словом в очередном сборнике «Светлые души» за 2013 год к организаторам конкурса обратилась вдова В. М. Шукшина, известная актриса Л. Н. Федосеева-Шукшина:

«Я всегда любила приезжать в Вологду, где уже многие годы чтут память о Василии Макаровиче Шукшине. Особенно благодарна Вологодской писательской организации за Всероссийский конкурс короткого рассказа имени В. М. Шукшина «Светлые души». Вологодские писатели совместно с Союзом писателей России собирают литературные таланты со всей страны и объединяют их под именем русского писателя и режиссера, моего мужа Василия Макаровича. Всего вам доброго и светлого».

Сегодня на страницах «ВЛ» публикуется рассказ Г. Рудягина, одного из участников нашего конкурса.

Александр ЦЫГАНОВ

Геннадий РУДЯГИН
(Сан-Антонио, США)

ПРОСТО ФИЛЯ

Его так звали все и всегда. В пять лет, в тридцать лет и в шестьдесят. Просто Филя. И всё... Филя не умел жить по-людски.

В шестьдесят один год он купил себе кларнет. И начал учиться играть. Учился, свиная такая, ночами. Утром, днем и вечером куда-то уходил, ночью — учился. Дудел.

— А вам-то что? — говорил он возмущенным соседям.

— Так не даете спать!

— Мне бы ваши проблемы!

Соседи тупели.

— Не зря вас бросила жена! — пытались они задеть его за живое.

Филя отвечал им:

— Зря. Теперь бы она поняла.

— Что поняла? Что бы она поняла?! — кипятились соседи.

— Не ваше дело.

— Фи-ля! — старались оскорбить его соседи. — Фи-ля! Просто Филя. И всё!

Огромный Филя улыбался:

— Это я знаю.

Филя, похоже, расковался. Вся жизнь он был под чьим-то контролем — родителей, потом — преподавателей, потом — армейских командиров, потом — хорошенькой жены. Даже детей у него не было из-за постоянного контроля. И в результате — что? Ни родителем, ни преподавателем, ни командиром.

Да идите вы все! Меня спрашивали, хочу

я такой жизни или не хочу? Хочу я этого, внедренного из-за океана, капитализма? Не захотели жить в социалистическом обществе, живите в индивидуальных норах!.. Не лезьте в мою, там темно!

Однажды, когда Филя дудел, к нему зашли люди в милицейских погонах (Филя дверь свою не заперал)...

Старшина и два сержанта постояли у него за спиной, сухо покашливали.

— В чем дело, гражданин? — строго спросил старшина.

Филя перестал дудеть, обернулся, долго смотрел.

— О! — сказал он. — Что такое?

— Почему дудите? — спросил старшина.

— Потому что высохли все слезы, — ответил Филя, снова задудев.

Туманно ответил, неопределенно. Старшина его не понял.

— Отвечайте по существу, гражданин! — повысил голос старшина. — Почему, понимаешь, дудите?

Филя поднялся. Еще посмотрел. Отложил инструмент. И двинул старшину между глаз.

Того смело, как ураганом. Потом Филя связал разбушевавшихся, было, сержантов. Позволил по 02.

— Приезжайте! — сказал он в трубку. — Здесь трое, переодетые в форму нашей милиции. Я их задержал.

Оттуда приехали, забрали повязанных. Пригласили и Филю. В отделении на Филю пришли посмотреть все, кто был в этот час не у дел.

— О! — сказал Филя, разглядывая их. — А в это время там режут старушку.

— Где? — заволновались те.

— Там! — ответил Филя. — Там, где вам следует быть. В капитализме.

В неофициальной беседе с дежурным капитаном Филя сказал:

— Я же не идиот! Я же знаю закон о неприкосновенности жилища, и наши правоохранительные органы знают его как дважды два. А эти заявили... Я сразу догадался — ряженые! Мазурики! В моей же квартире мне же начали хамить! И хоть бы было у меня что брать...

— Ладно, — успокоил его дежурный капитан. — Ладно. С этим мы разберемся.

— Тут главное — узнать, где они раздобыли милицейскую форму! — подсказал Филя. — Вот еще в чем следует разобраться. Там же у них целая шайка орудует!

— Ладно, — сказал капитан. — Ладно.

И написал на чистом листе бумаги: «Вопрос». И задал вопрос:

— Что у вас за история с соседями?

Филя погладил тяжелой ладонью поверхность стола. И кивнул.

— Правильно мыслите, — сказал он. — Я уже думал об этом.

— О чем?

— О соседях, конечно. Это они подослали мазуриков. Купили и подослали... Но это не я их заложил, так и запишите: не я. Вы сами об этом догадались. Я не стукач.

Капитан покосился на сжатые Филины кулаки и сформулировал свой вопрос в иной форме.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он. — Какие у вас отношения с соседями?

— Были хорошими, пока я на них безвозмездно пахал: ремонтировал краны после работы, унитаза, электропроводку

менял — для меня это было лишь «тьфу!» Всё я делал им за одну только улыбку. Наши люди, родные... «Нельзя так! — говорила моя Люда. — Нельзя! Каждый труд стоит денег!»...

А после того, как они уговорили мою жену Люду уехать вместе с ними на заработки в Испанию... Они же, понимаете, все вернулись потом, а Люду охмурил какой-то лавочник, у которого она мыла полы... Хорошенькая, молодая, она мыла там дрянные полы... Лавочнику-капиталисту!.. Нет, им я больше не слуга. Хватит!.. Вот они и взъелись...

— А зачем же дудеть по ночам? — спросил капитан, отрываясь от своих записей. — Налю, что ли?.. Дудеть-то зачем?

— Потому что все высохли слезы.

Капитан посмотрел, закурил. Помолчал.

— Вы пенсионер? — спросил он, берясь за авторучку. — Не работаете?

— Почему не работаете? Работаете.

— Где работаете?

— Летом — за пастырем на лужайке, где дети играют в футбол, зимой — на снежной горе.

— Кем работаете?

— Смотря, в какую пору года.

— Например, зимой, как сейчас?

— Мечтаю, чтоб кто-нибудь из ребятни дал бы прокатиться на санках.

— Зачем?

— Чтоб стать хоть на минутку маленьким.

— Зачем?

— О!

— Что?

— Тогда бы ожила моя мама. «Филиппок! — позвала бы она. — Иди кушать и спать!»

Вадим Кожинов о своеобразии русской литературы

О СВОЕОБРАЗИИ русской литературы говорил еще А. С. Пушкин: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особую физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (10, с. 40). О климате и образе правления В. В. Кожинов наиболее пространно написал в своей книге «Россия как цивилизация и культура» (5). Но понятно, что важнейшим для литературы является вопрос о вере.

Вадима Кожинова не раз упрекали в недостаточной «православности». Мне, в частности, об этом говорил Василий Белов, сокрушавшийся о том, что Кожинов хороший литературовед и критик, но не православный.

Но так ли это на самом деле?

Станислав Куняев в своей книге воспоминаний «Поэзия. Судьба. Россия» пишет: «Итак, был ли Вадим Валерианович человеком верующим? Не знаю, несмотря на его собственные признания о разговорах с Бахтиным. Утверждать не могу. На мой взгляд, скорее он был стоиком, убежденным в том, что религиозное призвание человека в постоянном исполнении своего земного долга. Несмотря ни на какие враждебные человеческой судьбе обстоятельства жизни» (6).

Алексей Татаринов замечает: «Не только в ранних работах, но и в своих поздних выступлениях Кожинов не акцентировал внимание на христианской позиции. Он шел не от заданной православной нормы, полу-

чившей в сознании монополию, к обнаружению её присутствия в литературных текстах, а от структуры художественного сознания к мысли о её не прямом, а типологическом взаимодействии с христианским мировоззрением» (11).

В то же время Юрий Павлов подчеркивает: «Для В. Кожинова важно определить, в какой системе духовно-нравственных и эстетических ценностей работает художник...» (8, с. 41).

А вот что об этом говорит сам Вадим Кожинов: «Писатель Леонид Бородин сказал как-то, что духовность — понятие религиозное. Я готов согласиться с Леонидом Ивановичем, что в идеале это действительно так. Но считаю, что в настоящее время сводить все к религиозности нельзя, да и просто неверно... Я вовсе не хочу сказать, что сам богословски грамотен. Да, я крещен: помню, как в 1935 году, после долгих лет запрета, разрешили ставить и украшать новогодние елки (вместо прежних рождественских)... Однако моя жизнь прошла вне религиозных традиций. Тем не менее я, автор многих книг по истории России, сознаю, сколь велико значение Церкви, религии. За две тысячи лет исповедания христианства (а в нашей стране — более тысячи лет) рушились жизненные уклады, государственные и общественные институты, а Церковь — жива. Игнорировать ее роль недопустимо... Кстати, мой учитель, Михаил Михайлович Бахтин, человек глубоко религиозный, утверждал, что истинная религиозность — всегда на тончайшей грани веры и безверия. В противном случае все

обращается в идолопоклонство. И уж никак нельзя сводить духовность к религиозности. Иначе — зачем же два разных слова? Уверен, что приобщение к религии должно происходить не в результате чтения современных изданий, пытающихся толковать учение о Боге (ничего, кроме вреда, такие толкования не принесут), — но только в церкви. Только здесь, в храме, происходит непостижимая связь человека с Творцом. Но, повторяю, религиозность и духовность не адекватны. Духовность — понятие несравненно более широкое, проявляющееся в многообразии великих деяний человечества, в извечном его стремлении к высшей Правде и Красоте» (12).

Обратимся к первоисточнику. В первом послании к Коринфянам Святого Апостола Павла (глава 12) сказано: «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особую, как Ему угодно» (9).

В современных реалиях эта мысль подтверждена неоднократно.

«Многие русские поэты и писатели осознали свое служение как пророческое (здесь

и далее выделено мной. — В. Б.), — говорит патриарх Кирилл. — Нередко они первыми ставили вопросы, которые со временем осознавались как общечеловеческие проблемы... По нашему глубокому убеждению, русская литература не может и не должна утратить тот пророческий дар, ту огромную силу воздействия на умы и сердца людей, которой с избытком обладали ее лучшие представители» (3).

Архимандрит Тихон (Шевкунов) заявляет: «Для нашей страны приобщение к великой русской литературе и к культуре в целом — это не просто образовательная задача, а важнейший фактор духовного притяжения, благодаря которому объединяются разные народы, люди разных религий и даже убеждений» (1).

В Основях социальной концепции Русской Православной Церкви отмечено: «Светская культура способна быть носителем благоверия... В то же время Церковь предостерегает: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1 Ин. 4.1)» (7).

Вадим Кожинов в своей книге «Размышления о русской литературе» (1991) утверждает: «Добро, красота, истина и святость народа (а ими обладает любой народ) — не умирают. И литература в конечном счете есть воплощение этого бессмертия. Вот почему народно-национальная основа литературы — это самое глубокое и самое главное в ней» (4, с. 6–7).

В первой части книги, в главе «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» «Заметки о

УРОКИ КЛАССИКИ

...а я был один, все вспоминал, как мы только что спорили о литературе с местным знатоком, и думал о мужестве писателя.

Писатель должен быть мужествен, думал я, потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым листом бумаги, против него решительно все. Против него миллионы написанных ранее книг — просто страшно подумать — и мысли о том, зачем же еще писать, когда про всё это уже было. Против него головная боль и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать.

Везде вокруг него живет, шевелится, кружится, идет куда-то весь мир. И он, уже с рождения, захвачен этим миром в плен и должен жить вместе со всеми, тогда как ему надо быть в эту минуту одному. Потому что в эту минуту возле него не должно быть никого — ни любимой, ни матери, ни жены, ни детей, а должны быть с ним одни его герои, одно его слово, одна страсть, которой он себя посвящает.

Когда писатель сел за чистый белый лист бумаги, против него сразу ополчается так много, так невыносимо много, так всё зовет его, напоминает ему о себе, а он должен жить в какой-то своей, выдуманной им жизни. Какие-то люди, которых никто никогда не видел, но они всё равно как будто живы, и он должен думать о них, как о своих близких. И он сидит, смотрит куда-нибудь за окно или на стену, ничего не видит, а видит только бесконечный ряд дней и страниц позади и впереди, свои неудачи и отступления — те, которые будут, — и ему плохо и горько. А помочь ему никто не может, потому что он один.

В том-то вся и штука, что ему никто никогда не поможет, не возьмет ручку или машинку, не напишет за него, не покажет, как надо писать. Это он должен сам. И если он сам не может, значит, всё пропало — он не писатель. Никому нет дела до того, болен ты или здоров, за свое ли ты дело взялся, есть ли у тебя терпение, — это наивысшее мужество. Если ты написал плохо, тебя не спасут ни звания, ни награды, ни прошлые успехи. Звания иногда помогут тебе опубликовать твою плохую вещь, друзья твои поторопятся расхвалить ее, и деньги ты за нее получишь; но всё равно ты не писатель...

Нужно держаться, нужно быть мужественным, чтобы начать всё сначала. Нужно быть мужественным, чтобы терпеть и ждать, если талант твой вдруг уйдет от тебя и ты почувствуешь отвращение при одной мысли сесть за стол. Талант иногда уходит надолго, но он всегда возвращается, если ты мужествен.

Настоящий писатель работает по десять часов в день. Часто у него застопоривает, и

Юрий Казаков

О МУЖЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

(из статьи)

тогда проходит день, и еще день, и еще много дней, а он не может бросить, не может писать дальше и с бешенством, почти со слезами чувствует, как проходят дни, которых у него так мало, и проходят впустую.

Наконец он ставит точку. Теперь он пуст, настолько пуст, что уже не напишет больше никогда ни слова, как ему кажется. Ну что ж, может сказать он, зато я сделал свою работу, вот она лежит у меня на столе, пачка испанной бумаги. И ничего такого до меня не было. Пусть до меня писали Толстой и Чехов, но это написал я. Это другое. И пусть у меня хуже, но всё-таки и у меня здорово, и ничего еще не известно, хуже там или не хуже. Пусть попробует кто-нибудь, как я!

Когда работа сделана, писатель может так подумать. Он поставил точку и, значит, победил самого себя, такой короткий радостный день! Тем более, что скоро ему начинать новую вещь, а теперь ему нужна радость. Она ведь так коротка.

Потому что он вдруг видит, что, скажем, весна прошла, что пронеслось над ним огромное время с того момента, когда в начале апреля, ночью, на западе собрались черные тучи, и из этой черноты неумоимо, ровно и мощно задул теплый ветер, и снег стал ноздреть. Прошел ледоход, прошла тяга, отгрелись ручьи, отдымила первая зелень, и колос налился и пожелтел — целый век прошел, а он прозевал, не видал ничего этого.

Сколько случилось в мире за это время, сколько событий со всеми людьми, а он только работал, только клал перед собой все новые белые листы бумаги, только и видел свету, что в своих героях. Этого времени ему никто не вернет, оно прошло для него навсегда.

Потом писатель отдает свою вещь в журнал. Возьмем лучший случай, предположим, что вещь его берут сразу, с радостью. Писателю звонят или посылают телеграмму. Поздравляют его. Хващают его вещью перед другими журналами. Писатель едет в редакцию, входит туда свободно, шумно. Все рады его видеть, и он рад, такие все милые люди. «Дорогой! — говорит ему. — Даем! Даем! Ставим в двенадцатый номер!» А двенадцатый номер — это декабрь. Зима. А теперь лето...

И все бодро смотрят на писателя, улыбаются, жмут ему руку, хлопают по плечу. Все как-то уверены, что у писателя пятьсот лет жизни впереди. И что полгода ждать для него, как шесть дней.

Для писателя начинается странная, тягостная пора. Он торопит время. Скорей, скорей бы прошло лето. И осень, к черту осень! Декабрь — вот что ему нужно. Писатель изнемогает в ожидании декабря.

А уж он опять работает, и опять у него

то получается, то нет, год прошел, колесо повернулось в который раз, и опять дохнет апрель, и в дело вступила критика — расплата за старую вещь.

Писатели читают критику на себя. Это неверно, будто бы некоторые писатели не интересуются тем, что о них пишут. И вот когда им нужно всё их мужество. Чтобы не обижаться на разносы, на несправедливость. Чтобы не озлобиться. Чтобы не бросать работы, когда очень уж ругают. И чтобы не верить похвалам, если хвалят. Похвала страшна, она приучает писателя думать о себе лучше, чем он есть на самом деле. Тогда он начинает учить других, вместо того чтобы учиться самому. Как бы хорошо он ни писал свою очередную вещь, он может еще лучше, надо только быть мужественным и учиться.

Но не похвалы или разносы самое страшное. Самое страшное — когда о тебе молчат. Когда у тебя выходят книги и ты знаешь, что это настоящие книги, но о них не вспоминают, — вот когда надо быть сильным!

Литературная правда всегда идет от правды жизни, и к собственно писательскому мужеству советский писатель должен прибавить еще мужество летчиков, моряков, рабочих — тех людей, кто в поте лица меняет жизнь на земле, тех, о ком он пишет. Ведь он пишет, по возможности, о самых разнообразных людях, обо всех людях, и он должен их всех повидать сам и пожить с ними. На какое-то время он должен стать, как они, геологом, лесорубом, рабочим, охотником, трактористом. И писатель сидит в кубрике сейнера вместе с моряками, или идет с партией через тайгу, или летает с летчиками полярной авиации, или проводит суда Великим Северным путем.

...писатель должен помнить еще, что зло существует на земле, что физическое истребление, лишение элементарных свобод, насилие, уничтожение, голод, фанатизм и тупость, войны и фашизм существуют. Он должен по мере своих сил протестовать против всего этого, и его голос, возвышенный против лжи, фарисейства и преступлений, есть мужество особого рода.

Писатель, наконец, должен стать солдатом, если понадобится, мужества его должно хватить и на это, чтобы потом, если он останется в живых, опять сесть за стол и опять оказаться один на один с чистым листом бумаги.

Мужество писателя должно быть первого сорта. Оно должно быть с ним постоянно, потому что то, что он делает, он делает не день, не два, а всю жизнь. И он знает, что каждый раз начнется всё сначала и будет еще трудней.

Если писателю не хватит мужества — он пропал. Он пропал, даже если у него есть

талант. Он станет завистником, он начнет поносить своих собратьев. Холодея от злости, он будет думать о том, что его не упомянули там-то и там-то, что ему не дали премию... И тогда он же никогда не узнает настоящего писательского счастья. А счастье у писателя есть.

Есть все-таки и в его работе минуты, когда всё идет, и то, что вчера не получалось, сегодня получается безо всяких усилий. Когда машинка трещит, как пулемет, а чистые листы закладываются один за другим, как обоймы. Когда работа легка и безоглядна, когда писатель чувствует себя мощным и честным.

Когда он вдруг вспоминает, написав особенно сильную страницу, что сначала было слово и слово было бог! Это бывает редко даже у гениев, но это бывает всегда только у мужественных, награда за все труды и дни, за неудовлетворенность, за отчаяние — эта внезапная божественность слова. И, написав эту страницу, писатель знает, что потом это останется. Другое не останется, а эта страница останется.

Когда он понимает, что надо писать правду, что только в правде его спасение. Только не надо думать, что твою правду примут сразу и безоговорочно. Но ты все равно должен писать, думая о бесчисленных неведомых тебе людях, для которых ты в конце концов пишешь. Ведь пишешь ты не для редактора, не для критика, не для денег, хотя тебе, как и всем, нужны деньги, но не для них ты пишешь в конечном итоге. Деньги можно заработать как угодно, и не обязательно писательством. А ты пишешь, помня о божественности слова и о правде. Ты пишешь и думаешь, что литература это самосознание человечества, самовыражение человечества в твоём лице. Об этом ты должен помнить всегда и быть счастливым и горд тем, что на долю тебе выпала такая честь.

Когда ты вдруг взглянешь на часы и увидишь, что уже два или три, на всей земле ночь, и на огромных пространствах люди спят или любят друг друга и ничего не хотят знать, кроме своей любви, или убивают друг друга, и летят самолеты с бомбами, а еще где-нибудь танцуют, и дикторы всевозможных радиостанций используют электроэнергию для лжи, успокоения, тревог, веселья, для разочарований и надежд. А ты, такой слабый и одинокий в этот час, не спишь и думаешь о целом мире, ты мучительно хочешь, чтобы все люди на земле стали наконец счастливы и свободны, чтобы исчезли неравенство, войны, и расизм, и бедность, чтобы труд стал необходим всем, как необходим воздух.

Но самое главное счастье в том, что ты не один не спишь этой глубокой ночью. Вместе с тобой не спят другие писатели, твои братья по слову. И все вместе вы хотите одного — чтобы мир стал лучше, а человек человечнее.

У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь. Но у тебя есть твоя правда и твое слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь должна быть лучше.

1966

духовном своеобразии России», В. Кожин выделяет основные черты этого своеобразия, присущего как русскому народу, так и русской литературе и культуре в целом (в скобках мной указан духовный их источник):

1. *Отсутствие национального эгоизма. Все народы России имеют равные права* (этот тезис исходит из православного убеждения, что все равны перед Богом).

2. *Самоосуждение, исповедальность* (смирение, осознание собственной греховности).

3. *Самоотречение* (жертвенность).

4. *Ограниченная взаимосвязь личности и народа* (соборность).

5. *Всеобщий, имеющий ценность для всех народов смысл бытия* (бессмертие души).

Даже скользкий вопрос о «всечеловечности» русской литературы решается Кожиным в этом ключе (с. 61): «Сама ее всечеловечность — это именно национальная, самобытно народная ее природа... Всечеловечность живет — можно даже сказать, таится — в самой глубине русского национального характера». (Душа человеческая по своей природе — христианка).

27 марта 1991 года я, будучи аспирантом МПГУ, стал свидетелем выступления Вадима Валериановича на конференции в ИМЛИ. Мои краткие записи не способны отразить всю полноту его речи, но некоторые ее моменты постараюсь воспроизвести.

«Главная наша беда, — говорил Кожин, — в утилитарном подходе к литературе и культуре. Нельзя извлечь из текста одну политику, ее детали. В свое время голос Белинского походил на голос Бенкендорфа именно в силу его утилитарности.

Литература самоценна. Она демонстрирует самоценность жизни. А мы все стремимся пе-

ределать мир, сделать его прекрасным (коммунизм, капитализм и т.д.). В **духовном** смысле нельзя построить рай на земле (смотрите работу И. Шафаревича «Два пути к обрыву»).

В школе тоже господствует утилитаризм. Литературу там пытаются постичь голым умом, не воспринимая чувствами. А ведь поэзия — это эстетическая ценность, отражающая самоценность жизни (Рубцов, например, это понимал). Никто из учеников не знает, например, чем заканчивается «Анна Каренина». Все убеждены, что концовка романа — самоубийство героини. Но ведь Толстой велет нас далее к мысли о том, что мир — это творение великого Художника».

Надо заметить, что эти рассуждения Вадима Валериановича были прямым ответом Александру Михайловичу Панченко, доклад которого предшествовал сообщению Вадима Кожина. Панченко настаивал, что древнерусская литература — самая главная литература для нас. «Атеистов в Древней Руси не было, — утверждал он. — Древнерусская литература существовала 700 лет, именно она выразила национальные идеалы. В ней нет личности. Она анонимна. Это смиренная литература (гордыня — смертный грех). Чаадаев заявлял: «Горе нам, если мы отречемся от нее!» Самым плохим считали человека, который был убежден, что все знает и во всем считает себя правым».

Вадим Кожин, вероятно, увидел в этих утверждениях все тот же утилитаризм, только религиозный. Запальчивым высказываниям Александра Панченко Кожин противопоставил свое понимание литературы как самоценной духовности, проявляющейся не во внешней религиозности, а во внутреннем ее содержании.

Можно согласиться с Александром Дорниным: «И здесь я считаю необходимым развенчать ещё один миф, поставив точку в нередко высказываемых сомнениях в вопросе — Кожин и православие. Да, Кожин не декларировал своё православное чувство, не выставлялся, не кичился им. Уверен, каждый человек, а тем более русский писатель, не должен вызывающе демонстрировать свою

религиозность. Православными же, по сути, должны быть деяния, творческая деятельность человека» (2).

Духовный дар Кожина проявился в его творчестве. И это — урок всем тем, кто до сих пор сомневается в «богоугодности» своего служения русской литературе.

Виктор БАРАКОВ

Список источников:

1. Архимандрит Тихон (Шевкунов): Не надо обращать внимания на призывы к толерантному отношению к духовным сорнякам. (http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/04/arhimandrit_tihon_shevkuinov_ne_nado_obrawat_vnimanija_na_prizyv_k_tolerantnomu_otnosheniyu_k_duhovnym_sornyakam/).
2. Дорин Александр. Вадим Кожин — выдающийся просветитель... И реальный политик. (<http://sp.vokres.ru/literature/kog.htm>).
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Русская литература не должна утратить свой пророческий дар. (http://www.ruskline.ru/news_rl/2010/12/24/patriarh_kirill_russkaya_literatura_ne_dolzha_ustrait_svoj_prorocheskij_dar).
4. Кожин В. В. Размышления о русской литературе. — М.: «Современник», 1991. — 526 с.
5. Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура // «Наш современник». — 2000. — № 5, 7, 9. (http://rusology.narod.ru/ru01/kozhinov/kozhinov_index.htm).
6. Куняев Ст. Поэзия. Судьба. Россия «За горизонтом старые друзья...» // Наш современник. — 2002. — № 7. (<http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2002&n=7&id=3>).
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. (<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>).
8. Павлов Ю. М. Критика XX—XXI веков: Литературные портреты, статьи, рецензии. — М.: «Литературная Россия», 2010. — 304 с.
9. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. (<http://rusbible.ru/sinodal/1kor.html>).
10. Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 11. — М.; Л., 1949.
11. Татаринов Алексей. Вадим Кожин и Юрий Кузнецов: типология и взаимодействие авторских мифов. (<http://www.hrono.ru/proekty/parus/tatrnv0111.php>).
12. Через век. Интервью с Вадимом Кожинным. (http://www.hrono.ru/statii/dor_kog.html)

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

ПО СЛЕДАМ РОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СОБРАНИЯ

НА ЭТОТ сбор причастных к русской литературе граждан пришел Президент. У нас принято ругать его на кухне и в сети, а при личной встрече — прятать глаза или дрожащим голосом просить... денег.

И то и другое противно. Была надежда, что владеющие словом писатели сумеют объяснить главе государства, что мы идем ко дну, что неумелую команду и растерявшихся пассажиров надо спасать. Ведь совсем недавно Валентин Распутин заявил об этом прямо и бесстрашно: «Мы живем в оккупированной стране!»

Но надежда умерла первой. Вячеслав Огрызко огрызнулся вслед: «Всё было умело отрежиссировано. Слово на встрече с Президентом получали заранее отобранные люди».

Это Валерий Ганичев — отобранный? Или Сергей Шаргунов, автор романа «1993», — отобранный?

Владимир Бондаренко, огорченный холостым результатом встречи, пишет: «Российское литературное собрание обошлось полностью без современной русской литературы, её как бы и не было».

А кто виноват?

Что мешало Валерию Ганичеву сказать о самом главном?

Возраст? Наш писательский вожак сделал доклад... об успехах Союза писателей России — ведущей, самой многочисленной писательской организации, взявшей под свое крыло 7,5 тысячи литераторов (бурные, продолжительные аплодисменты).

Возраст... Старость, однако, не помешала, а наоборот, поспособствовала Александру Солженицыну, сходя в гроб, «благословить» наше родное правительство: «Нами правят предатели!» Ганичев «не имел права ставить под удар организацию?».

А еще он не имел права награждать Путина напех придуманной премией за несколько дней до этого — опять же от имени «самой многочисленной» писательской организации, нишей, сирой и убогой, работающей «за бесплатно» уже много лет.

Кстати, о деньгах. О «вспомоществовании» Президента попросил отнюдь не самый бедный Юрий Поляков, главный редактор «Литературной газеты»:

«На сегодняшний день у российских авторов нет законного права быть писателями и объединяться в союз. Раньше союзы имели свои типографии, издательства, могли этим зарабатывать деньги для страны и на свои нужды. Сейчас писатели не могут получить пенсию за свои труды. Сейчас нужны правовые нормы о творческих союзах и статусе творческого работника».

Ответ Владимира Путина «воодушевил» присутствующих: «Мы не сможем вернуть... способы материального поощрения для писателей».

Сергей Шаргунов (президент его дважды назвал Феей) вместо заранее согласованной просьбы вдруг (или не вдруг?) залепетал что-то о Болотной, о лимоне для ОМОНа, о несчастных оппозиционерах...

Вот тут Путин сел на любимого конька и ответил! И началось! Точнее, началась.

Сага о лагерях, об утопленных священниках, об опереточной Украине... Вот этого все СМИ и ждали. Дождались, наконец.

О литературе теперь можно было и не вспоминать.

Нет, конечно, Владимир Владимирович — добрый президент, почти царь-батюшка, он сироткам литературным вручил подарки — в виде обещаний, как это у наших начальников принято.

Обещал объявить 2015-й годом литературы, вернуть экзамен по литературе в школу, создать Фонд поддержки драматургии, учредить Премию Президента РФ в области детской литературы.

Обещанного, говорят, три года ждут. Закона о творческих союзах мы ждали почти 20 лет.

Не дождался. Ничего, еще лет тридцать подождем!.. А в это время под шумок закрывают Книжную палату, неэффективные ВУЗы, школы, библиотеки, да что там — сотни заводов! Продаются все и вся оптом и в розницу, принимают законы, способствующие распродаже, а для тех, кто против — жестоко наказанию, например, по 282-й, так называемой «русской» статье. Лозунг «Русский, не пей!» признан экстремистским... Тут уж не знаешь, плакать или смеяться.

По следам прошедшего якобы литературного собрания не хочется идти, да и невозможно — все разбрелось в разные стороны. Что же нам остается?..

Позовем на помощь классиков — того же Михаила Лермонтова, у него скоро юбилей:

Печально я гляжу на наше поколение...

А если без печали?

— Пожалуйста, Сергей Есенин:

*Принимаю все,
Как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.*

Лиру у нас точно не отнять.

Разве что вместе с жизнью.

Николай УСТЮЖАНИН

НАША ПУБЛИЦИСТИКА. XXI ВЕК

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, трагедия... Если всю нашу литературу семидесятих-восьмидесятых так же отнести к публицистике, то получается, как в той побасенке про лодку в океане, в которой одни спят, другие гребут, а третьи дырочки в бортах ковыряют ниже ватерлинии.

Сегодня, можно сказать, что в литературе и публицистике семидесятих-восьмидесятых гребцов было мало... Творческую братию охватили критические настроения.

Не осталось ни одной сферы общественного устройства, которая не была подвержена остракизму: одни комсомол развенчивали, другие партию, третьи пенитенциарную систему критиковали, как несостоятельную и губительную, и даже людоедскую... Иные поставили под сомнение великие стройки, целесообразность создания рукотворных морей и гидростанций...

Некоторые фронтовики решили рассказать такую правду о минувшей войне, что не воевавшим захотелось поскорее в плен врагам сдать себя... Многие посвятили себя критике коллективизации, индустриализации и все это талантливо заклеямили. Досталось науке, бесплатным медицине и образованию...

И мы радовались новой правде в популярных журналах, романах, фильмах, вдыхая пьянящий воздух свободы. И этот воздух настолько опьянил, что мы не заметили, как не оставили под собой никакой опоры, которая удерживала бы нас на поверхности.

Пробойн ниже ватерлинии оказалось столько, что наш «Титаник» пошел ко дну.

А если бы и не пошел, то мне порой кажется, плыть ему было некуда. Критикуя и развенчивая, с энтузиазмом громя то, что создавалось кровью и потом, никто не знал, чем все это заменить? Куда же плыть дальше...

С позиций оптимиста

Несколько лет назад в эфире Первого канала в передаче А. Гордона «Россия 2030» мне довелось дискутировать с заместителем директора института философии РАН С. А. Никольским о будущем нашего сельского хозяйства.

Причем Никольский стоял на позиции пессимиста, утверждая, что наше сельское хозяйство ожидают более худшие времена и что в принципе перспектив у нашего села, по крайней мере, на Северо-Западе России, нет.

Мне была отведена роль оптимиста, хотя в России, говорят, с конца девятнадцатого века слова «оптимист» и «идиот» — слова-синонимы. А кем мне остается быть, как не оптимистом, имея за собой четырех детей?

И как бы ни было плачевно состояние нашей деревни, экономики ее и государства в целом, мы должны жить по пословице «Помириться собирайся, а рожь сей».

Какие же аргументы дают основания сохранять оптимизм?

Было еще хуже

Если обратиться к нашей истории, то мы найдем ней немало аналогов современному дню. В свое время мне доводилось общаться с профессором Вологодского пединститута Петром Андреевичем Колесниковым, который вывел некий алгоритм подъемов и спадов в нашей сельской местности.

Многочисленно «мор и глад», набегивающие кочевников обескровливали наши территории, в

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОПТИМИСТА О БУДУЩЕМ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

(Трагедия русской публицистики)

шестнадцатом веке бубонная чума выкосила почти половину населения, после реформ Петра мужского населения здесь практически не оставалось, а сколько войн всеми тяготами легло на плечи деревень. Малые, молодые деревни, хутора, починки исчезали, но сохранялось ядро, корневые деревни, выживавшие при любых обстоятельствах, от которых вновь вырастали молодые побеги. И если сегодня взглянуть на административную карту области, то можно увидеть следующую картину: погибли в первую очередь молодые деревни, а корневые остались и, худо-бедно, внушают надежду, что они сохраняют себя и далее.

Неперспективные города

Если говорить о мировом экономическом кризисе и способах выхода из него, то редко кто из политиков, экономистов говорит о том, что это прежде всего кризис «общества потребления», которое уже практически исчерпало ресурсы планеты, отравив ее отходами цивилизации, сосредоточив население в городах и гигантских мегаполисах. И сегодня положение городов для меня кажется более драматичным, чем положение села.

Вот что говорят исследования ООН: «За последнее десятилетие озабоченность правительства проблемами расселения усилилась. За последние годы мир пережил драматически быстрый рост городского населения».

Скорость и масштабы этого роста, особенно его концентрация в наименее развитых регионах мира, продолжают предъявлять серьезные вызовы не только отдельным странам, но и мировому сообществу в целом. Открывающиеся в связи с процессами урбанизации возможности и проблемы, порождаемые ими, являются предметом внимания правительств многих стран. В 2009 году 83% национальных правительств выразили свою озабоченность тенденциями расселения в стране.

Большую озабоченность этими проблемами выражают правительства развивающихся стран, из которых 58% стран высказались за необходимость значительных изменений в территориальном размещении населения, а еще 28% — за необходимость лишь некоторых изменений».

Не зря все больше появляется прогнозов, что к середине века более 60 процентов населения Земли и в том числе нашего населения будет жить в сельской местности. На мой взгляд, переселение горожан в сельскую местность произойдет намного раньше.

Не трудно заметить, что наши города вступили в фазу перманентных техногенных катастроф. Включите телевизор: аварии, взрывы, обрушения, подтопления. А если прибавить к этому экологические, социальные, психологические катастрофы...

Если вспомнить, какую воду мы пьем, какие продукты нам предлагают в супермаркетах, в каких помоечных дворах проходят лучшие годы наших детей...

Переселение горожан в сельскую местность неизбежно. Это и экологическая, энергетическая, продовольственная безопасность,

это, учитывая современные технологии в домостроении, — комфорт и уют...

Но это переселение потребует от человека пересмотра ценностей, когда из потребителя материальных и культурных благ ему потребуются превратиться в производителя...

Вот здесь и пригодится нам богатейший опыт наших предков, создавших гармоничную крестьянскую цивилизацию, научившихся жить своим трудом, безотходно, в согласии с природой.

На работу как на праздник

Мы живем в непростых климатических условиях.

...Западные аграрии красят нашу северную территорию в белый цвет, где, по их мнению, сельское хозяйство невозможно, а значит, невозможно и жизнь. Действительно, у нас среднегодовая температура отрицательная. Нам все дается гораздо большими трудами и затратами, чем на Западе под теплым боком Гольфстрима.

Однако мы живем здесь в этих условиях тысячелетия. Более того, русский народ сумел создать такую уникальную культуру, которая позволила сделать этот чрезвычайно тяжелый, порой до кровавых кругов в глазах труд, желанным и радостным.

Откройте календарь земледельца и вы увидите, что в нем нет практически ни одного дня, не опозитивированного, не украшенного каким-либо обрядом, праздником, традицией... Легко заметить, что в русском языке «работа» и «праздник» имеют один корень.

Универсальная деревня

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ — что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец девятнадцатого века было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремесел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность.

Деревенская жизнь и история стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной... Русская деревня была абсолютно универсальной и могла делать все: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространенным было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Западной аграрно-кустарной. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего?

Я все чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами, как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универ-

сальности, которая, несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на ее долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания.

Мне кажется, что единственным залогом сохранения деревни и в целом сельского хозяйства является многоукладность его экономики. Универсальность нашей северной деревни. Крупные животноводческие комплексы, автоматизированные и роботизированные, несмотря на всю их экономическую выгоду, иссушают деревню, лишают работы ее жителей.

Никогда и прежде экономика нашей деревни не строилась на производстве одной лишь сельскохозяйственной продукции.

Слишком многотрудно и затратно давались на Севере хлеб, молоко, мясо.

А потому наш северный крестьянин в большей степени производил продукты питания для внутренних потребностей, за исключением разве масла и льна. Все остальные необходимые для жизни средства он добывал прикладными промыслами, охотой, рыбалкой, бортничеством, извозом, плотничьим ремеслом, солеварением, отхожими промыслами, уходил за Урал в Сибирь за мехами и за хвостом соболя добегал до Тихого океана, а там, построив корабли, добрался и до Америки... И надо заметить, что северный крестьянин не был бедным. Достаточно проехать по деревням на реке Сухоне, чтобы понять это.

Занимаясь сбором материалов о народных промыслах, я сумел собрать и описать в детской приключенческой повести «В поисках забытых ремесел» около 400 бытовавших в наших краях промыслов и ремесел.

И надо сказать, что возвращение к ним в наше время спасли от вымирания целые сельсоветы: например, катавальный промысел Николая Сайкина дал работу и смысл жизни целому округу, гончарный промысел Мишенцевых вытаскил из забвения целую округу, плотничье ремесло кормит сегодня многие районы...

Земли будущего

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на: «Известия архангельского общества изучения Северного края», пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединенных Штатов Америки провел под руководством известного ученого, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича, обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России.

Какие факторы были в пользу этого? Длинный световой день, обилие непрямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы «землями будущего». И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

Наш народ является носителем общинного самосознания. И если ему навязывать постоянно негативный образ бытия, то он и пойдет по этому пути. Вот почему задача нашей публицистики, СМИ, спасая народ и экономику, формировать на положительных примерах позитивное восприятие мира. Хватит нам умирать, пора сбивать масло!

Анатолий ЕХАЛОВ,
член Союза писателей СССР,
кинорежиссер

ЦВЕТOK ИВАН-ЧАЯ

До сих пор помнятся суровые и могучие, без украшений, монастырские стены, у подножия которых плескалась прохладная синяя вода озера. Так тихо, светло и одиноко было кругом, так безлюдно, словно одиночество было вечным порождением здешней земли, и все звуки, как хрустальные вспугнутые птицы, поднимались вверх и исчезали в нем навсегда. Казалось, среди пустынности самого времени возвышались эти молчаливые громады, и на вершинах башен резные флюгера бесстрастно и гордо смотрели куда-то за даль озер, словно мудрым оком своим оглядывали неприступную толщу ушедших веков.

В совершенно полах, головокружительно высоких башнях монастыря было темно, так что становилось жутко: мнилось, необъятная прорва камня обрушится и погребет под собой все.

Далеко тянулись гигантские сооружения, не повторяющиеся, нескончаемые, молчаливые. И демоническая фантазия их, необузданная, словно стихия, так чуждая нищенскому убожеству современных каменных жилищ, страшась выйти за малейшую грань рациональности, их расточительная мощь, необъяснимая непрактичность, их бесцельный простор, на которые был затрачен многовековой каторжный труд тысяч и тысяч безмянанных душ — все это было непостижимо, таинственно, как и тот гений, что воздвиг заставшую средь бесконечной изменчивости суровую каменную симфонию...

Многометровая толщина стен совсем не ощущалась в нишах бойниц. Ниши эти служили уютном ко внешней стороне. Сквозь них проглядывали холодный простор свинцового озера, клочковатые волны которого уже были освещены поднявшимся солнцем, и зелен лесов и островов — пейзаж простирался где-то внизу, за пределами укреплений, ограниченный узкой щелью бойницы.

Если вы спускались вниз, то оказывались среди безлюдных переходов и задворков, где, несмотря на весь их размах, не было ни души, где лежали в запустении накрененные, ушедшие в землю тяжелые плиты могол, мраморные и гранитные, с уже стершимися надписями, изредка встречались выше человеческого роста надгробья из белого и черного мрамора, украшенные узорами, искусными наверхшими и ангелами, кое-где лежали рухнувшие каменные кресты. Поодаль стояла проржавевшая, из кованого железа, усыпальница.

В стенах было множество выбоин, и по ним, пожалуй, можно было даже взобраться вверх. А железная крыша одних из ворот сорвалась с каркаса, и на земле от нее остался жалкий след обглоданных годами останков.

Но внезапно в самой вышине, в тени нависавших уступами мрачных стенных карнизов, я увидел растущие прямо из стен яркие, равняющиеся вверх, алые, нежные цветы иван-чая. Как умудрились вырасти они там, на камне крепости, среди холода и тени, среди озерных сквозняков?

Многое вы знали на своем веку, стены. Могущество и падение, измену, любовь, процветание и гибель — вы знали все, и всегда это была жизнь, она вечно трепетала, ведь все было направлено против нее, все стремились ее смять и уничтожить, и вы защищали ее как могли, бесстрастные судьи эпох. Но все-таки она сильнее вас — сильнее вас этот красный цветок...

Разверзлись в синем бездонье удары благовеста, и казалось, рекли: «Человече, не завянь в неизбывной тени, на которую обречен судьбой, не загуби цвет, что так алчут истоптать неведение и зло...»

Знаю, есть он в тебе, недолгий и хрупкий, но более сильный, чем тысячи неправедных ветров с озера времени.

ДОМ, СУЩИЙ ГДЕ-ТО

Уже предвестие ночи облегло тот августовский мир. Я только что выехал на одиночном мотоцикле на безоглядно ровное шоссе и теперь с бешеной скоростью вонзался в него. Едва успел глянуть назад: там стремительно колыхался белый шлейф дороги, уходящий в садившееся солнце, и по нему стлались белые струи дыма, равнявшиеся из выхлопных труб. Мотоцикл, словно ракета, поглощал стелющуюся ширь, и ни души не было кругом. Я не ощущал машины. Стрелка спидометра неподвижно висела далеко за «сотней», а в ушах, защищенных обивкой шлема, по-прежнему стоял низкий гул, вызываемый движением встречного воздуха и мотором. Мелькали в свете фары неразборчивые и сумбурные нагромождения строений, разбросанных человеком, потом строения

Олег ЛАРИОНОВ

Современные миниатюры

кончились и потянулись пустынные поля, съеденные фиолетовой сыростью неба.

И все также ввинчивался стремительный шторм движения, сжигая угрюмость и смертельную скуку расстояний. Ливень, ударивший внезапно, разбивался о стекло маски, о черную кожанку и сапоги. Колеса, дрожащие в лихорадочной пляске на частых выбоинах и неровностях, заставляли взвизгивать небольшие лужи, и их содержимое с яростью обрушивалось на меня. Мотоцикл летел там, где с трудом прошла бы любая машина, — по узким прожилкам изуродованных частей дороги, по утрамбованным колеям в море грязи, словно вездесущее нейтрино, для которого не могло быть препятствий. Свет фары озарял исчезающее полотно дороги, а по обе стороны от нее оставалась одна сплошная черная завеса и далекие маяки мерцающих огней.

Огни говорили о многом. Они говорили о том, что среди этих безбрежных полей и лесов идет своя жизнь, крохотная, светлая, но многообразная; они говорили о том, что где-то шумят поезда, эти блуждающие города, и движутся автомобили, и текут широкие реки, по которым плывут корабли; о движении говорили только они, огни, мигающие, красные, зеленые, голубые и желтые, исчезающие, дрожащие, обозначающие неустанный бег бытия, не останавливающегося никогда.

Всего несколько десятков километров отделяли меня от заветной цели. И мне нужно было успеть, успеть во что бы то ни стало в город. Еще какой-то час, и я совсем рядом. Я ощущал тепло родного дома. Сердце ликовало, я уже видел очертания города, улыбки друзей, слышал их голоса, их смех, я уже чувствовал себя у ступеней родного дома в час встречи.

И вдруг... Вдруг все ухнуло в безбрежное безмолвие. Исчезла близость родного мира, прекратился свист в ушах, частый стук кончика ремня шлема о его пластмассовый висок, исчез призрачный город... Мотоцикл замолчал, бесшумно еще катясь по инерции последнюю сотню метров, и остановился.

Мертвая неподвижность царил кругом, и черный лес громоздился стенами гигантского коридора. Уже село солнце и догорал тревожно-бордовый закат. Что-то случилось, отказал двигатель. Сумерки изрядно сгустились, я едва различал в руках инструмент. Ледянистый влажный воздух прохватывал насквозь, руки сводило судорогой. Включил фару, ее луч выхватил из мрака серость дороги, выщенный лес и пустоту, бесконечную пустоту неба. Лишь встревоженная ночная птица, делая тяжелые взмахи крыльями, пересекла дорогу и скрылась. Тепло дома, только что брезжившее в сознании, теперь было так же далеко, как и бесстрашие звезд. И моя удача — я ее упустил.

Я стоял на каком-то краю Вселенной.

И тогда с остротой и ясностью, словно в свете сорвавшегося ночью метеора, увидел и понял, что не предвкушение тепла, не улыбки друзей, не удача, слава или любовь есть твой дом. Но — тревога за трепетную крупницу где-то сущего человечества, что несется сквозь безмерно одинокую и мертвенную бесконечность космоса, и спокойная мысль о неизбежности рождения и гибели, и надежда, не дающая утратить в холодной безликости пространства уникальное ощущение завершенности человеческого времени.

ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Мы пришли на пустынный, в одну линию тянувшийся берег, ослепленные нежарким солнцем самого конца сентября. Бог весть где бесконечная синь вод просачивалась в небесную седеющую бездну, растворяя скрытые дымок в далеком далеке отроги отвесных скал, кажущимися вратами в вечность. Океан дышал, то вспениваясь, низвергая крупные монолиты волн, шумно растекающихся по всей бескрайней длине дикого пляжа, то затихал, и волна, отступая, на несколько мгновений образовал на песке

влажное зеркало, просачивалась меж желтыми крупичками и бесследно ускользала.

Он так напоминал человеческую жизнь, то непрерывно движущуюся, то замирающую, то упрямо стремящуюся вверх, то срывающуюся в небытие, разом утихомиривающее трепет минувшего взлета.

Порывы прохладного ветра бросали в лицо морскую соленую пыль, покрывая обнаженные тела гусиной кожей, а мы сидели с немногими друзьями, оперевшись подбородками о колени, свинцово вращая в зыбкую, исхоженную усталыми ногами твердь: мы были изнурены долгими неблагоприятными днями работы и тревог, уносящими радость твоего пребывания на земле, постоянно отодвигающими все дальше и дальше тот предел, за которым вот-вот начнется иная жизнь... Теперь мы едва ли верили в нее.

Наконец, несмотря на несмелые протесты друзей, я поднялся и вошел в воду, оказавшуюся на удивление теплой, спасающую от знобящих прикосновений ветра, и океан подхватил меня, оторвал от земли, сделал невесомым; он вбирал меня, как губка, отторгая якорную тяжесть прежних дней. И не волны растворялись в плоскости берега, а я целиком рассеивался в них, соприкасаясь с каждым атомом движущейся стихии. И сила ее внезапно стала моею, увеличенной в миллионы крат.

Глаза вбирали синь воды и неба, простирания вперед и позади меня, теряющуюся в туманной бесконечности. Я слышал, как океан рушит нагромождения донной гальки, стремительно унося меня от берега; и сквозь сон незамечаемого времени, его мнимую наполненность, состоящую из ничего не стоящих событий и лет, я впервые увидел себя не тем пигмеем-невидимкой, покорно бредущим по земле, притянутым веригами бездарной суеты, а безмянной частицей Вечности, пусть частицей ничтожной, почти мгновенной, но почерпнувшей ее великую энергию...

ГАДАНИЕ НА РУНАХ

Фотограф нажал на выключатель, и все застала абсолютная, какая-то обреченная темнота. Лишь где-то в краешках глаз продолжал сиять ослепительно белый свет, схожий с люминесцентным. Тот внутренний свет, горящий в мозгу, всегда был определенной конфигурации, в виде некоего символа. Так было с самого раннего детства, с какого себя помнил. Как он тогда боялся темноты и светящихся точек перед глазами...

Слабый свет монитора разрушил безраздельный мрак, и в едва освещенной комнате на экране замелькали последние кадры. Одинокие аллеи, тихие улочки, заброшенный дом... Фотомастер давно научился отыскивать себя в неброских, примелькавшихся образах, что неприметно сопровождают однообразную и в общем-то никчемную человеческую жизнь.

Да, у него не было таланта художника. В его деле нужно уметь видеть и находить. Окружающее так богато, что может подарить целое произведение искусства. И вероятно, мастер преуспел на своем поприще за последнее время. О том говорили призы с престижных выставок, приглашения на важные встречи, журнальные публикации. Но это его давно уже не волновало. То была одна жизнь, а он жил совсем в другой — ведомой только ему, с той пронзительной болью и сомнениями, которые, как бы ты ни изошрялся, не передашь ни в одном, самом совершенном образе. В любом случае, то будет лишь слабым, блеклым слепком.

Теперь, после неожиданной смерти мамы, после развода с женой, которая забрала маленькую дочку и уехала в другой город, у него оставалась только эта комнатка в здании городского фото клуба и фотографии на стенах — пустынные пейзажи, голые деревья...

Несколько дней назад к нему зашел друг, молодой врач-онколог. Тот его ни о чем не спрашивал, и так все понимал.

— Человек должен верить во что-то, — неожиданно сказал тогда друг. — Кто ве-

рит, — осмысливает происходящее и потому выживает и выбирается оттуда, где он оказался. Взять нас. Мы отправляем безнадежного пациента домой, в душе подписав ему смертный приговор. А он встречается лет через пять и кланяется: «Спасибо, доктор...» Таков человек. А некоторые сдаются. И умирают — почти сразу.

— Ты говоришь о больных или несчастных, — возразил мастер. — А есть люди, которые никогда ничем не болели и всегда находились в прекрасном состоянии духа... Вечером жмешь ему руку, а утром узнаешь, что его больше нет. Бывают и живые — словно мертвые... Впрочем, не будем об этом.

— Не будем.

— Ты знаешь, — продолжал он, — я проклятый скептик, не верю ни в Бога, ни в черта. Я реалист.

— Вот я и хочу, чтоб ты оставался реалистом, — настаивал онколог, достал из кармана маленький полиэтиленовый пакетик и высыпал на стол его содержимое — горстку картонных карточек с начертанными на них странными знаками. — Это руны, иероглифы древнего алфавита — футарка. Каждая обозначает понятие — какой-либо процесс или ситуацию. Вытягивая их наугад и поставив при этом волнующий тебя сейчас вопрос, можно переосмыслить свое прошлое, настоящее и найти действие к будущему.

Он слушал, как друг зачитывал ему расшифровку философских символов, и начал думать, что в этой игре нет ничего мистического или потустороннего. То, что стояло за каждым иероглифом, заставляло думать, изучать свою жизнь, скрытую от собственных глаз. Забытый футарк чем-то напомнил язык найденных фото образов, но только был гораздо мощнее и глубже, потому что таил в себе смысл эпох и поколений. Он, словно незримая клейкая паутина, пронзал суше, на первый взгляд хаотичное и брэнное, связывая его миллионами нервных волокон. Он говорил, что каждый из людей несет в себе всю историю жизни на земле, и соединен с любым движением бытия почти фатально.

Онколог оставил мастеру, безучастному и равнодушному, тот пакетик с двадцатью четырьмя знаками, которые должны были рассказать ему его жизнь. Двадцать пятая карточка оказалась чистой — на ней не стояло никакого знака. «Пустота — это конец; пустота — это начало, — гласила чистая руна. — Будьте мужественны, как перед прыжком в пустоту с голыми руками. Она — испытание вашей веры. Ничто не предопределено; но и нет ничего такого, чего можно было бы избежать...»

Мастер погасил свет, заперев за собой дверь. И вдруг в кромешной темноте ему показалось: никакой будущей жизни не было, впрочем, как не было ни умершей мамы, отнятой у него дочка. А был только он — маленький, и один на один с этой темнотой. И в то же время он подумал, что тот, маленький и беззащитный — и есть его дочка. Такая беспомощная, боящаяся темноты, как и он много лет тому назад. Но он не может, не может заслонить ее от того, что впереди. И от бессилья сжалось сердце. Он никогда не сможет рассказать ей о своем прошлом, о ее доброй бабушке, которой больше нет...

«Жизнь коротка, искусство вечно...» — слова блеснули в памяти искрой тлеющего костра. Да, он пытался ухватить разрозненные фрагменты и найти в них какой-то единый смысл пребывания на земле. Но всколыхнувшаяся искра не дарила облегчения, потому что казалось, потеряно все, и искусство оставалось теперь мертвой, никому не нужной абстракцией.

Он вышел на улицу. Неосвещенные грязные улочки, низенькие дома, знакомые с самого детства. Они приводили мысли в какое-то равновесие... Двухэтажное рабочее общежитие, похожее на тюремную казарму, мрачное, замызганное. Здесь рождаются люди, обзаводятся семьями и умирают... Черное небо, красные огоньки, обозначающие вершины заводских труб... В нелепом, хаотичном и мертвом мире где-то есть одна крохотная живая душа, его дочка, «кровинка», как говорил он про себя. И эта мысль всеяла странную надежду. Хотя никакой надежды не могло быть.

Он вернулся в фотолабораторию. Взят пакетик с рунами и, мысленно окинув взглядом то, что происходило с его жизнью, вытащил наугад карточку.

Чистая руна. Ничто. «Пустота — это конец; пустота — это начало...» Единственный знак, который почти молчал.

Впрочем, молчит камень, пока не будет одухотворен рукою скульптора. Молчит слово, пока не войдет в него душа человеческая. Каким бы великим изначально оно ни было. Что скажут тебе руны? Только то, что стоишь ты сам. «Пустота — это начало...»

НАШЕ ИМЯ. XXI ВЕК

Я соберу свое время...

Встреча со стихами Татьяны Бычковой

Сергей Есенин заметил однажды, что поэт не должен быть скромным. Конечно, речь не о человеке, а о поэтической его сути, но и о личности тоже. Стихотворцев много, особенно в России, а как предъявить миру поэта? Можно дерзко пойти на эпатаж, но если нет таланта, разноцветный пузырь лопнет почти сразу.

А если талант есть, но нет решительности, смелости, уверенности в себе?.. Тогда на помощь приходит кто-то другой.

Татьяна Бычкова — необыкновенно талантливая, но излишне скромный человек. Много лет мы буквально выцарапывали для публикации ее поэтические подборки. Рекомендации в Союз писателей России были даны мгновенно, что для вологодского его отделения — большая редкость, но прошла уйма времени, прежде чем Татьяна стала полноправным членом Союза. Но и теперь добиться от нее разрешения на издание стихотворений — целая история. А ведь ее стихи — настоящая драгоценность, несмотря на авторское признание:

*Я совсем не умею писать стихи.
По-моему, они пишут себя сами.*

В 90-е годы Татьяна Бычкова, вероятно, еще не осознавала, что ее талант не лирический, а лиро-эпический. Отсутствие лирического сюжета приводило к тому, что ее стихотворения, не скрепленные логически выстроенной образной цепочкой, рассыпались. Отдельные удачные объяснялись как раз тем, что в них был сюжет, цементирующий аморфное лирическое начало.

В новом тысячелетии все изменилось. В стихотворении «Гуляя по зимнему саду...» скупко, но точно обрисованы характеры, монолог лирической героини постепенно переходит в диалог с «героем ее романа», и самое главное — заметен жест, раскрывающий невидимое душевное движение. Ее «Стих о любви» целиком построен на антропоморфизме, но и он не статичен, а удачно «обыгран» поэтессой. О лиро-эпических способностях Т. Бычковой говорит и следующий факт: сквозь ее лиризм зачастую пробивается ирония, чаще всего выраженная в неожиданных деталях и эпитетах: «Там зеленые заборы Глухо кашляют во сне. И задумчивые воры Тихо лезут по стене». Поэтесса способна говорить и высоким «штилем», и разговорным слогом, вести диалог, передавая чужую речь. Ее поэзия, отличающаяся «размашистостью» композиции и потенциальной сюжетностью, так и просится в «широкую раму», тем более что ее лучшие рапсодии (т. е. «сшитые песни») сотканы из зримого образного ряда:

*Глиняный полдень. В кувшинах — густое вино.
Завтрак из белого хлеба и белого сыра.
Нечто подобное было когда-то давно —
Там, на заре сотворения мира.
Греция... Грузия... Синь вдохновенных небес.
Солнце. Полуденный отдых. Эллада... Колхида...
Медленных волн набегающий шорох и плеск...
Черная книга — «Трагедии» Еврипида.*

Поэзия Татьяны Бычковой неотделима от нашей темной и тревожной эпохи, но внешние

ее приметы почти не видны. Тем не менее, оригинальный поэтический мир Бычковой живет во времени и пространстве полнокровной и вольной жизнью. Ключевое слово здесь — время:

*Время рисует на лицах, рисует на лицах...
Многомерное время течет ниоткуда...
Я соберу свое время в ладонь по крохе...
Время созрело и падает,
Как спелые груши в саду...*

Ее рифмованные строки и белые стихи одухотворены высоким смыслом бытия, и авторская уединенность, вероятно, способствует подобному вдохновению, однако живая жизнь дает о себе знать, и в классический строй ее поэзии вдруг неожиданно вторгается страшная действительность:

*Я взорвалась на последней мине
И брызнула в стороны, как дождь вчерашний.*

Стихотворения Татьяны Бычковой почти невозможно распределить по темам, ибо главная ее тема — сама наша человеческая жизнь, яркая, стремительная и одновременно бесконечная:

*Я соберу свое время в ладонь по крохе
И рассыплю его, как корм, птицам небесным.
Я не могу сказать, что хорошо и что плохо,
Кажется все, что есть, сухим и пресным.
Не остудить это земное пламя,
Не отступить у вечности миг ушедший.
Все исчезает, даже любовь и память.
Все остается... Помни... Люби... Вечно...*

С удовольствием и надеждой представляю всем любителям изящной и подлинной поэзии стихотворения Татьяны Бычковой.

Виктор БАРАКОВ

Татьяна БЫЧКОВА

И ЧАСТИЦА БОЖЕСТВЕННОЙ СУТИ...

Хоть в доме есть камин, но в доме нет любви,
И в нем живет сквозняк, там холодно и пусто,
Там выюга меж людьми, пустыня меж людьми,
И в этот страшный быт влетает искусство.
Холсты без позолот. Слова без блесков лжи.
Побег в страну теней, полет туда, где не был...
Стаканы на столе. И черствый хлеб лежит,
Как памятник зерну. А я смотрю на небо.
Как перышки легки! Не пишишь, а поешь.
За птичий труд возьми напрасную награду.
Подумай, как живешь. Пойми, зачем живешь.
Ведь, если нет любви, то и тебя не надо.

Никто никого ничему не научит.
Но небо синее сквозь рваные тучи,
И жизнь продолжается, хочешь — не хочешь,
А ты все чего-то бормочешь, бормочешь,
И перышком легким на белой бумаге
Рисуешь, рисуешь какие-то знаки,
И пишешь, и пишешь какие-то строчки,
И ставишь на них запятыя и точки,
Тире, многоточия, знаки вопроса...
А травы купаются в утренних росах,
И птицы поют, и летают стрекозы,
И где-то гремят отдаленные грозы...
А ты понемногу, по капле, по строчке
Живешь эту жизнь. До финала. До точки.

Не отчаянье, не мука —
Теплый пламень, ровный свет.
Я в тебе искала друга.
Много лет.
Я ни в чем не виновата,
Ты ни в чем не виноват.
Я в тебе искала брата.
Здравствуй, брат!
Ни печали, ни тревоги,
Вся печаль давно прошла.
Я в себе искала Бога.
И нашла.

Глиняный полдень. В кувшинах —
густое вино.
Завтрак из белого хлеба и белого сыра.
Нечто подобное было когда-то давно —
Там, на заре сотворения мира.
Греция... Грузия... Синь вдохновенных небес.
Солнце. Полуденный отдых. Эллада...
Колхида...
Медленных волн набегающий шорох
и плеск...
Черная книга — «Трагедии» Еврипида.

Пока стихи стекают мне в ладонь
Водою с неба и капелью с крыши,
Мне кажется, что я живу и слышу,
Мне кажется, что я — почти огонь.
Какой беззвучный и прозрачный хор,
Где музыка, как маленькое пламя,
Как маленькое огненное зная,
Как маленький трепещущий костер.
Где музыка? Где вечная весна,
Где следующий шаг из этой бездны,
Где все, что мне казалось бесполезным,
Как будто было продолженьем сна?
Отчаянье... Печаль... Печенье с чаем...
И голос чайки, хриплый от тоски...
Безмолвной музыки стеклянные куски...
И разговор, похожий на молчанье.

На дорожках сквера сыро,
Листьев прошлогодних ветошь.
Красоты нетленной мира
Ты — пройдешь — и не заметишь.
Мир, подверженный гниению,
Ты увидишь взглядом острым.
Всюду — стойкий запах тленья.
Это просто. Слишком просто.
И, подняв глаза пустые,
Ты увидишь край небес.
Над бескрайнею Россией,
Не кончающейся здесь.

Возникают стихи...
Словно пыль осыпается с пальцев,
Словно боль просыпается в теле,
Словно вечное время течет из разбитых
сосудов...

Возникают стихи...
Из забытых вещей, ниоткуда,
Из забавных событий, случайных созвучий,
вчерашнего неба...

Возникают стихи...
Эта явь, эти сны, этот лепет —
Перепутаны, слиты в такое певучее нечто...

Возникают стихи...
И всей тяжестью давит на плечи
Невозможность взлететь...

Уже акация цветет.
Уже июнь. Уже тепло.
И чисто вымыто стекло
Небесное. Небесный свод
Промыт дождем. Прозрачна высь —
Вся в пене легких облаков.
Мелькнет из глубины веков
Простая будничная мысль —
О том, что бремен даже свет,
Что листья обратятся в прах.
И лишь гармония в стихах
Останется. А может, нет...

Время созрело и падает,
Как спелые груши в саду,
Или прохладные яблоки
Ночью и на рассвете.
С тихим шуршанием
Сквозь густую листву.
Днём собирают его
В сад забежавшие дети.
Время — то мёдом течёт,
То застынет хрусталиком льда,
Время — то горечь, то сладость,
То пламя, то холод...
Время... Каким оно разным бывает,
Когда
Ты безобманчиво стар
И беззащитно молод...

МОЛИТВЫ

1

Господи, прости мою печаль,
Господи, дай сна моим очам,
Господи, прошу, верни покой.
Я воскресну ивой над рекой,
Прорасту корнями в берега.
Пусть растают вечные снега,
Пусть любовь возникнет по весне,
Пусть живет надежда... Хоть во сне...

2

Господи, помилуй и спаси
Странников, бредущих по Руси
С посохом, с котомкою, с сумой...
Помоги им всем придти домой!
Господи, загни для них свечу,
Господи, дай ношу по плечу.
Пусть они над вечною рекой
Наконец-то обретут покой.

Мне страна ничего не дарила,
Я ее ни о чем не просила.
Берегла, как могла. Проходила
По дорогам, пустым и разбитым,
По проселкам, дождями размытым,
По земле, непросохшей от слез.
Я жила на неласковом свете
На уставшей зеленой планете,
Я жила, как могла, но всерьез...
Все всерьез — каждый шаг, словно подвиг,
Я старалась далеко помнить
И пыталась прожить каждый миг.
Я стране ничего не дарила,
Просто пела и просто любила...
Этот стих точно так же возник...

Отвратительно, грязно и сыро.
Жизнь похожа на бред сумасшедшего.
Я уже все обиды простила,
Все долги заплатила прошедшие.
Стало проще, тревожнее, тише,
Прилетела синица в ладони.

ПОЭЗИЯ

Юрий МАКСИН

...ЗА МЕНЯ И ЗА ВСЕХ ОДИНОКИХ

Не кочевник-скиталец,
а стал одиночкой.
Нет, я не был таким
на родимой земле.
Был когда-то зеленым
побегом-листочком
с ощущеньем корней,
в крепком теле — стволе.

Было древо родов,
словно дуб величавый,
и ветвилось оно
под приглядом Творца.
До небес бы тянулось
своими ветвями,
но величье земное
не чует конца.

Корни крону подняли —
за землю родную!
Но с чужими ветрами
шептаться она.
Искривляется ствол,
если дует и дует,
и далеко по ветру
летят семена.

И несёт, и срывает их,
времени лапа.
Вот опять оторвался
до срока листок.
Если ветер с востока, —
несёт их на запад.
Если с запада дует, —
летят на восток...

СВЕЧИ

Мыши летучие, гады ползучие,
слизны скакучие, — чур!
Спряталось солнце за чёрными тучами,
ветра бездействует бур...

Теплится робкое, теплится нежное
чистое пламя свечи.
Тропки заросшие, время крошечное...
Свечи — как звёзды в ночи.

Или с ума, или сходим с орбиты мы,
тьма ли на Землю сошла?
Души затеплим святыми молитвами
и — на святые дела!..

Не только от птичьего пеня
пришлось мне в лесу прикорнуть.
Средь листьев опавших, земного коренья
свалил меня прожитый путь.

Пусть всё несётся по кругу,
пусть возвращается вспять.
Под грешную голову суну я руку —
и в сон или в небо, как знать...

Вот опять говорят,
что закончились строки,
замолчала душа
и давно не поёт.
Но вступилась капель
за меня
и за всех одиноких
и проплакала день,
и проплакала
ночь
напролёт.
Замолчала душа.
Все исполнились сроки?..
Но пока — недолёт,
но пока — перелёт.
И вступилась капель
за меня
и за всех одиноких!
А душа не молчит,
она — ждёт.

На пологой обветренной крыше
Рыжий флюгер по-прежнему стонет.
Хлеб и соль, да вода из колодца,
Да дровишки, вестимо, из лесу,
И тоски неразъемные кольца
Разомкнулись под собственным весом.
И зачем мне искать оправдания
Всем моим неразумным поступкам,
Если я — элемент мирозданья
И частица божественной сути.

Литературный семинар в Кадуе

В конце 2013 года в Кадуе, впервые за его историю, состоялся выездной семинар Вологодского отделения Союза писателей России. На этом семинаре разбирались произведения авторов, состоящих в Кадуйском литературно-художественном объединении «Семизерье». Следует отметить, что проведение семинара оказалось возможным благодаря организационной работе Вологодского отделения Союза писателей России и материальной поддержке Администрации Кадуйского района в лице Главы района Н. С. Дектерева, оплатившей все расходы, связанные с подготовкой и проведением семинара. Напомню также, что только в Кадуе, единственном районе Вологодской области, при поддержке Администрации района регулярно издаются выпуски литературного альманаха «Семизерье».

Итак, 22 ноября в Кадуе из Вологды приехали М. И. Карачев, А. А. Цыганов, В. А. Плутников и В. Н. Бараков. Предварительно в течение нескольких месяцев ими были изучены произведения десяти авторов, представленных на семинар: Владимира Борисова, Александра Дешина, Александра Дудкина, Игоря Ваганова, Марины Гусевой, Валерия Кузьмина, Марии Куликовой, Анны Смирновой, Елены Смирновой, Людмилы Шариной. Все эти авторы долго и всерьез занимаются творческой работой в области прозы, поэзии, краеведения, публикуются в газетах, журналах, альманахах, литературных интернет-сайтах. Некоторые стали лауреатами различных литературных конкурсов. У многих изданы собственные книги. Но дело в том, что эти книги не имели достаточно квалифицированной редакторской подготовки, зачастую издавались в авторской редакции. Исключением были только периодические выпуски альманаха «Семизерье», редакторами которых являлись Евгений Кутузов, а затем Владимир Кудрявцев. Поэтому все авторы были заинтересованы в проведении данного семинара. А лично мне, участнику областного семинара в Вологде в 2006 году, было очень важно определить уровень моих новых произведений, степень роста творческого мастерства за прошедший период. К сожалению, в нашей области нелегко найти опытного профессионального редактора, и на этот семинар я, как и остальные авторы, возлагал большие надежды.

Первый день, 22 ноября, начался с конференции, в которой участвовали приехавшие из Вологды писатели, череповецкий писатель А. Х. Рулев-Хачатрян, члены литобъединения «Семизерье», работники библиотек Кадуйского района, кадуйские

читатели. Очень запоминающимся стали следующие слова Рулева-Хачатряна: «Русский язык выше правды! Он вобрал в себя Вселенную, он имеет способность возрождать! Поэтому временные беды надо лишь перетерпеть». Для гостей также была организована экскурсия по Кадуе, посещение Кадуйского краеведческого музея (экскурсию по музею провел научный сотрудник Геннадий Загребин) и музея винного завода.

Утром 23 ноября в центральной библиотеке (большую организационную работу по подготовке семинара провела заведующая центральной библиотеки А. К. Тютина)

начался, собственно, сам семинар. Вначале слово было предоставлено М. И. Карачеву, который вкратце сообщил цель проведения данного семинара. Он сказал, что в настоящее время литературное пространство разорвано на всех уровнях, но люди хотят общаться. Область сейчас не может собрать всех, поэтому возникла практика выездных семинаров по районам. Надо вовремя поддерживать авторов, которым важно не сбиться с пути, выбрать правильных учителей, водителей в литературе. Было выслушано и замечание А. А. Цыганова, который отметил, что есть большая разница в степени ответственности авторов к оформлению рукописей.

И, наконец, началась работа с авторами! Без спешки, обстоятельно и беспристрастно разбирались произведения представленных на семинаре авторов. На каждого автора в среднем затрачивалось не менее

часа. Сначала автор рассказывал о себе, о своем творчестве. Затем начинали выступать руководители семинара.

Каждому человеку, занимающемуся творческим трудом, будут полезны не пустые похвалы или безосновательная критика, а профессиональный анализ его произведений, разбор слабых и сильных сторон, рекомендации по дальнейшему улучшению произведения, будь то стихотворение, рассказ или повесть. Отсутствие стремления к совершенствованию своих произведений – признак графомании. Каждый автор – поэт или прозаик, независимо от степени таланта, в своем творчестве всегда

ятные замечания руководителей семинара, воспринимали это адекватно – не как уничижение, а как дружеский совет опытного наставника. Кто-то делал записи в блокноте, кто-то запоминал, но в целом данные замечания не проходили бесследно.

Руководители семинара в частности указывали на присутствие штампов, неточных и однообразных рифм в стихотворениях, увлечение фразой, позерством, отсутствием смысла. Разбирая представленные стихотворения, М. И. Карачев часто отмечал, что это не поэзия, а стихотворчество или вовсе рифмованная проза. Одного умения слагать гладкие рифмы недостаточно, надо вложить в строки свою душу, необходим талант, чтобы стихотворение стало подлинной поэзией. В качестве примера он привел стихотворения Валерия Кузьмина, которые можно считать поэзией, но и они нуждаются в доработке. По мнению Карачева, у Кузьмина присутствует свобода поэтического дыхания, Кузьмин не стихотворец, а поэт, но поэт неоплодотворенный – раздробление поэтического мира, нереализованные возможности.

Прозаикам рекомендовалось тщательно редактировать свои произведения, уделять внимание и сюжету, и концовке и, что не менее важно – правильному названию. Многие представленные рассказы таковыми назвать нельзя, это скорее – зарисовки или новеллы, отмечается чрезмерное увлечение авторов фактами и событиями, отсутствие художественного осмысления. Надо также убирать многословие, которое изначально присутствует у всех, не путать стили. Некоторым авторам А. А. Цыганов посоветовал нарабатывать материал, чтобы в перспективе издать профессионально подготовленную книгу.

Зачастую, разбирая удачное произведение, руководители семинара подчеркивали, что оно вполне пригодно для публикации в каком-либо издании, но при этом указывали на имеющиеся недоработки.

В заключение семинара были подведены итоги. По мнению председателя Вологодского отделения СПР М. И. Карачева члены ЛИТО вполне самостоятельны, серьезны и профессиональны. Надо развиваться, но быть внимательными в выборе своих учителей. Отрицание традиции не раз происходило, но все возвращалось на круги своя. Часть материалов семинара будет опубликована в первых номерах журнала «Вологодский лад» в 2014 году.

И. ВАГАНОВ

На снимке: руководители Вологодской писательской организации и участники семинара.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ВОИН НА ПОСТУ

(памяти В. И. Белова)

4 ДЕКАБРЯ, в годовщину смерти В. И. Белова, мы – писатели и библиотекари – выехали в Харовский район, чтобы почтить память земляка. В Харовске мы приняли участие в церемонии присвоения районной библиотеке имени В. И. Белова. От Харовска до Тимонихи ехать час с небольшим, наш автобус ходко мчал по снежной дороге, за окном мелькали перелески, одиноко стоящие стога сена, укрытые снегом поля, деревни.

На кладбище у могилы, дорогой каждому русскому человеку, была отслужена лития. День выдался солнечный, но в открытом поле дул холодный ветер, поэтому на кладбище мы не задержались, поклонились напоследок рабу Божию Василию, рабе Анфисе, всем, на кладбище сем погребенным, и двинулись в обратный путь. Миновали Тимониху, в темных окнах которой не блеснул нам ни единый огонек, и ехали знакомой дорогой. Опять заколоченные, а то и изломанные с серыми брёвнами избы, опять целые деревни без цепочек следов, без протоптанных тропи-

нок от избы к колодцу. Запустение, словно Мамай прошёл.

После кладбища, после могилы с деревянным крестом, и соседней, с камнем, всё, что за окном автобуса улетало назад, виделось иначе. Будто едем мы по кладбищу, будто вся дорога и вся округа – это кладбище. Кой-где встречаются островки жизни, а в большинстве своём это – снеговая пустыня.

В нашей речи не так давно появился термин: раскрестьянивание деревни. Люди, преследующие свои, чуждые нашему народу идеи и мысли, утверждают, что раскрестьянивание, нынешнее деревенское безлюдье – итог советских десятилетий, дело советской власти. Нынче витает такое поветрие, которое, как бациллы чумы, разносят нам из Европы, да из-за океана: всё советское плохо, о советском надо говорить только отрицательно.

Но это злонамеренная и зловерная ложь. Мы в молодости выезжали на шэфские работы «в колхоз» и помним, что деревня была полна людей. Когда я учил-

ся в строительном техникуме, половина нашей группы – были ребята из села. В нашей роте, когда я служил в армии, треть ребят были деревенские. Мы все помним кампании: «всем классом остаёмся в колхозе».

Проблема «деревня – город» сложна, но массовый исход, повальное бегство молодёжи из деревни в город, это результат реформ, обрушившихся на деревню в последние годы, результат разгона колхозов и совхозов, всего уклада деревенской жизни, сложившегося и, казалось бы, увековеченного в советские годы. Колхозы и совхозы разрушились не сами. Над этим поработали такие деятели, как публицист Ю. Черниченко (злейший враг В. И. Белова) и иже с ним, настоящие враги русского трудового народа.

С этим тягостным, мрачным чувством приехал я в Вологду, спать лёг, и проснулся.

Вспоминаю поутру прожитый день, а чувство живо, не ушло со сном, как обычно бывает. Что делать? Тоска на душе. Взял я белый том собрания сочинений В. И. Белова и стал читать. Скорее перечитывать, многое читано в давние годы, но с годами потускнело, забылось. Читаю. Радуюсь, смеюсь, где смешно, и слезами заливаю (рассказ «Весна»), и странное отрадное чувство согревает душу. Понимаю, что никогда та жизнь не вернётся, да о чём-то

и жалеть не приходится, и не нужно людям такие тяготы нечеловечески переносить, но творчество В. И. Белова представляется как залог возрождения крестьянской, трудовой жизни, без которой России не быть. В чём этот залог заключается, не могу понять умом, прочувствовать сердцем.

В давние, древние русские люди говорили, объясняя возрождение Руси от ига, «Бог переменял Орду».

Сейчас положение такое же. Деревня доведена до отчаянного, позорного положения, когда выгодней привозить картошку из Аргентины, чем из Харовского района. Возьмите карту, сравните, ужаснитесь. Кому выгодно? Конечно, не русскому крестьянину, не русскому государству. И про света не видно.

Видать, одна надежда осталась на Господа с Богородицей, да на Николая Угодника. Переменяем мы с помощью Божией жизнь нашу, предательские реформы, уродовавшие сельскую жизнь, останутся в прошлом, и оживёт Русь, воспрянет деревня. Одним из светочей, освещающих нам трудную дорогу, будет творчество В. И. Белова.

Такова доля, призвание истинно русского православного писателя: и в гробу он стоит на страже, сражается за землю, вскормившую и вспоившую его.

Роберт БАЛАКШИН,
член Союза писателей России

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. КОРОТАЕВА

«ПРЕКРАСНО ОДНАЖДЫ В РОССИИ РОДИТЬСЯ...»

Эта строчка замечательного вологодского поэта Виктора Вениаминовича Коротаева (1939—1997 гг.) стала такой же знаковой и определяющей смысл его творчества, как знаменитое «Россия, Русь, храни себя, храни...» его друга Николая Рубцова. Поэту-патриоту, автору более двадцати книг, издателю, редактору областной газеты «Русский огонек», лауреату литературных премий А. Яшина, А. Фадеева, Н. Островского, Заслуженному работнику культуры Российской Федерации, кавалеру ордена Знак Почета, человеку, чрезвычайно много сделавшему для развития российской литературы в январе 2014 года исполнилось 75 лет.

Пять лет В. Коротаев возглавлял Вологодскую писательскую организацию, двенадцать лет вел литературное объединение при газете «Вологодский комсомолец». На протяжении многих лет руководил творческими семинарами молодых литераторов. В последние годы возглавлял издательскую компанию «Вестник».

В. Коротаев — яркий представитель вологодской литературной школы. Неизменной в творчестве поэта всегда была тема Родины, непростой судьбы русской деревни, повседневный круг трудов и забот сельского жителя. «Родина... Его стихи густо заселены не символами, не тенями, не метафорами, а определенными судьбами и ликами...», — пишет о Коротаеве Станислав Куняев.

Земляки и почти ровесники, Рубцов и Коротаев, были единомышленниками в творчестве. «Самая жгучая, самая тесная связь» с родной землей — основной мотив их поэзии. Связывала двух поэтов и личная дружба. Именно Коротаев одним из первых написал книгу о трагедии Рубцова, многое сделал для сохранения и публикации его творческого наследия. Коротаевым был издан ряд сборников со стихами, переводами, письмами Николая Рубцова, воспоминания о поэте. Перу Виктора Коротаева принадлежат несколько стихотворений, посвященных Николаю Рубцову.

«Счастье Виктора Коротаева в том, — отмечал Станислав Куняев, — что ему не нужно было напрягать память и утруждать душу в поисках родины — он

жил на ней всю свою жизнь. Все его книги вместили громадное количество жизни не просто во времени, но и по напряжению в поисках правды — личной и общей, по размаху чувства, по накалу мыслей. Через край в каждой из его книг переливаются прозрения и заблуждения поэта, его жизнелюбие и его раскаяние, его спор с миром и с самим собой. Но в сердцевине главных сомнений и страстей «одна, но пламенная страсть» — Родина».

В рамках празднования юбилея Виктора Коротаева состоялась поездка на родину поэта в Сокольский район делегации вологжан — писателей, друзей, родственников поэта, работников департамента культуры. На театрализованном представлении в Чучковском Доме культуры звучали стихи и песни на слова Виктора Коротаева, сыграны сцены из его произведений. Своими воспоминаниями о поэте поделились его дочь Ольга Коротаева, писатели

Р. Балакшин, А. Ехалов, А. Смолин, М. Карачев. О. Ларионов рассказал о своей работе в газете «Русский огонек», которую возглавлял Виктор Коротаев.

Сегодня редакция представляет вниманию читателей ряд стихотворений Виктора Коротаева. Среди них стихотворение «Пылает поминальная свеча...», переданное в Вологодскую писательскую организацию Алексеем Маклаховым, в 1993 году работавшим заместителем председателя областного Совета народных депутатов. По словам А. Маклахова, поэт в его присутствии набросал на листке это стихотворение в час, когда Ельцин расстреливал власть народа, и передал рукопись ему. Более двух десятков лет оно нигде не публиковалось.

«Энергичный и собранный, Коротаев резко выразился о расстреле Дома Советов, — вспоминал Алексей Маклахов, — использовал даже нецензурную лексику, не оставив камня на камне от позиции президента и подписанного им указа... «Президент не прав! Мы в очередной раз оказались посмешищем для всего мира. Разве можно так с народом, со своей страной, с депутатами, даже если они в чем-то неправы!»

Просто так президенту не простит этот тяжкий грех, потому что в веках будут проклинать тех, кто это сотворил! Мы можем лгать, но ложь в правду не превратить, со временем все это всплывет!» — завершил разговор поэт».

Подготовил О. ЛАРИОНОВ

На снимке: делегация вологодских писателей и друзей поэта в Чучковском Доме культуры: А. Маклахов, В. Плотников, Р. Балакшин, А. Ехалов, М. Карачев, О. Коротаев, О. Ларионов, А. Смолин.

Виктор КОРОТАЕВ

* * *

Пылает поминальная свеча,
Дрожит насквозь простреленная тишь,
А то, что оправдали палача, —
Так этим никого не удивишь.
Выписывают клерки вензеля,
Любуются «крутым да удалым»,
И только неподкупная земля
Все чаще разверзается под ним.
А из глубин, клеймя позор и грех,
И словно предваряя Высший Суд,
Кипя, такая лава прет наверх,
Что на затылке волосы встают.
Тиран молчит. Он думает, что зря
Когда-то принял посох сатаны...
Над ним горит победная заря,
Но дни его, похоже, сочтены...

* * *

Никто мне больше не поможет,
Не защитит и не спасет.
Все тот же зверь мне душу гложет,
Все тот же червь меня сосет.
И никуда уже не деться.
Проснусь в ночи, как инвалид:
В больной груди
Заместо сердца
Как будто колокол гудит.
И ни звезды в окошке мглистом.
Лишь слышу сквозь какой-то хмель:
По жилам кровь летит со свистом
Да по Руси метет метель.
И так уж буря снеговая
Все перепутала пути,
Не сразу сам поймешь, бывает,
В какую сторону идти.
Но крутит ветер с прежней силой,

Как бы забывшись в кутеже.
Метет метель по всей России,
И нет покоя на душе.

* * *

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрятся, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий дарит глаза.
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

* * *

За ржавую оградою
Разуты и раздеты,
Опять деревья
Падают,
Но бодрствуют
Поэты.
Звереет ветер
С полюса
У птиц

Сплошные тризны.
Но не теряют
Голоса
Певцы
Родной Отчизны.
Уже прохвосты
Каются,
О пол
Затылком бьются.

Правительства меняются,
Поэты
Остаются!

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат с родимую землей.

Они ей жизнь завоевали, —
Она покой сынов хранит.
Тогда они

на ней
стояли, —
Теперь она
на них
стоит!

* * *

В годину бурь и тяжкого раздора,
В лихие дни глухого забвения
Ты мне одна и вера, и опора,
Земля неотторжимая моя.
Согнет недуг,
Навалится усталость,
Уйдут друзья, опять пересоля, —
Я помню:

У меня еще осталась
Родимая
Любимая земля.
Она утешит —

я же здесь родился,
Она поймет —

как ни был бы я мал,
Как высоко бы я ни возносился
И как бы низко после ни упал.
И потому под зноем и снегами,
На доброй почве правя бытие,
Хочу всегда
Обеими ногами
Стоять на ней
И чувствовать ее.
И пусть она помнет и поломает,
Но лишь бы не отвергла в крайний срок.
Кто жил землей,

тот знает,
что бывает,
Когда она
уходит из-под ног...

* * *

Мы — не на уровне задачи,
Когда, пуская легкий дым,
В кругу
О Родине судачим:
Шумим!
Корим!
Боготворим!

Да, путь ее и многотруден,
И объясним не всякий раз...
Но Русь была,
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас.